

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.1.016

УДК 94(47).05 + 94(571)

*Ю. Г. Акимов, К. В. Минкова**

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ МАССОВОЙ ХРИСТИАНИЗАЦИИ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ ПРИ ПЕТРЕ I**

Статья посвящена историографии побудительных мотивов массовой христианизации коренного населения Сибири, развернувшейся в первой четверти XVIII в. Указывается, что, хотя отдельные аспекты процесса обращения сибирских аборигенов в православие изучены достаточно подробно, его причины, во-первых, редко попадали в поле зрения историков, а во-вторых, описывались и оценивались по-разному. В статье рассмотрены подходы к данному вопросу русских дореволюционных, советских и современных российских специалистов. Выявлены различия и сходства в их оценках и трактовках, отмечена широта разброса мнений. Делается вывод о том, что последнее связано как с базовыми идейными и методологическими установками представителей различных школ и традиций, так и с их субъективными оценками деятельности Петра I и его преобразований.

Ключевые слова: историография, Сибирь, коренное население, христианизация, миссионеры, Петр I, Филофей (Лещинский).

Yu. G. Akimov, K. V. Minkova

INCENTIVES FOR MASS CHRISTIANIZATION OF THE ABORIGINES OF SIBERIA UNDER PETER THE GREAT

The article is devoted to the historiography of the incentives for the mass Christianization of the indigenous population of Siberia, which unfolded in the first quarter of the 18th

* Акимов Юрий Германович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия; y.akimov@spbu.ru

Минкова Кристина Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия; k.minkova@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

century. It is pointed out that although certain aspects of conversion of Siberian aborigines to Orthodoxy have been studied in sufficient detail, its reasons, firstly, rarely fell into the field of academic view, and secondly, they were described and evaluated in different ways. The article examines the approaches to this issue of pre-revolutionary Russian, Soviet and modern Russian specialists. The authors reveal differences and similarities in their assessments and interpretations, and note the breadth of the range of opinions. It is concluded that the latter is connected both with the basic ideological and methodological attitudes of representatives of various schools and traditions, and with their subjective assessments of the activities of Peter I and his reforms.

Keywords: historiography, Siberia, indigenous people, Christianization, missionaries, Peter I, Filofei Leshchinskii.

В первые десятилетия XVIII в. в Сибири (и в ряде других периферийных областей Российского государства) по инициативе Петра I начала осуществляться кампания по массовому обращению аборигенного населения («иноземцев») в православие. Это ознаменовало разрыв с предшествующей религиозной политикой московских властей, которые на словах приветствовали крещение язычников, но на деле не форсировали и не поощряли его, рассматривая как сугубо добровольный акт («еще своей волей похотят креститься», «насильством же никого не крестить» — регулярно подчеркивалось в официальных документах (подробнее см.: [7; 26])). Соответственно, количество христиан среди сибирских «иноземцев» в допетровское время было невелико. Однако уже к концу 1720-х гг. ситуация кардинальным образом изменилась: значительная часть представителей коренных народов Сибири — прежде всего Западной — стала (по крайней мере, номинально) православной.

До настоящего времени различные аспекты процесса христианизации сибирских аборигенов изучены неравномерно. С одной стороны, достаточно подробно рассмотрены указы царя о крещении «иноземцев», деятельность первых сибирских миссионеров, и прежде всего «апостола Сибири» митрополита Филофея (Лещинского, в схиме Федора), государственная политика в отношении новообращенных, предоставление им разного рода льгот и т. п. Эти сюжеты затрагивались в ряде общих и специальных работ отечественных и зарубежных историков различных эпох, принадлежащих к различным научным школам и направлениям.

С другой стороны, существенно реже в поле зрения исследователей попадали вопросы, касающиеся причин и побудительных мотивов тех радикальных изменений, которые произошли в религиозной политике русских властей по отношению к Сибири и в деятельности представителей Русской православной церкви среди коренного населения данного региона в 1700-е — первой половине 1720-х гг. На этот счет имеются преимущественно лишь общие суждения; при этом разброс мнений здесь чрезвычайно широк.

В настоящей статье мы рассмотрим как русские дореволюционные, советские и современные российские историки объясняли переход к массовой христианизации сибирских аборигенов, произошедший при Петре I, постараемся выявить сходства и различия в их подходах и оценках, а также вскрыть причины имеющихся расхождений.

Распространение православия среди коренного населения Сибири впервые начало изучаться еще в XVIII в. и в дальнейшем стало достаточно популярной темой в русской дореволюционной историографии, в которой, по словам С. В. Бахрушина, «история христианизации народов Севера приобретала особый интерес» [10, с. 228]. Однако интересующий нас вопрос о причинах и побудительных мотивах данного процесса затрагивался там далеко не всеми и не всегда.

Одним из первых на эту тему высказался Григорий Новицкий — непосредственный участник первых миссионерских поездок Филофея. В своем «Кратком описании о народе остячком» (которое может считаться первым русскоязычным этнографическим трудом) он противопоставлял первые 150 лет, прошедшие от начала присоединения Сибири, когда она оставалась языческой, и Петровскую эпоху, когда ее жители стали приобщаться к христианству. По его словам, первоначально Сибирь была «...многолюдствием же различных дивных идолопоклоннического зловерия народов населенна, обаче от лет полторасти и вящее, егда сии роды российскому покорены скипетру, во всех сих зловерие идолобесия невозвратно храняшеся». Когда же Петр «России правления восприял скипетр, им же аки ключом царствия небеси отверзе сим языком двери спасения». Новицкий прямо указывает на то, что основная заслуга в приобщении аборигенов к православию принадлежит царю-реформатору, который выступает как «усердный бяше любитель отечества, трудолюбный же искатель благочестия», «не только хитрости воинские учения ими же прочим государствам крепку и страшну показа державу свою и иная учения гражданского правосудия, наипаче же Богом угодные премудрости еллино-славено-латинские утверди училища и умножи учения, еже прежде в Российской державе не быша» [20, с. 60–61].

Подобный подход встречался и в некоторых других сочинениях, относящихся к XVIII в. Так, в неопубликованной записке Ивана Эверса и Степана Горновского «О приведении города Якутска и области его в лучшее состояние», направленной в 1798 г. на рассмотрение Павла I (о записке см.: [16, с.101]), крещение жителей Якутска было названо «беспримерной монархов милостью» (цит. по: [31, с. 4]). То есть по сути признавалось, что христианизация осуществлялась по инициативе самодержавной власти.

Продолжателем данной тенденции в XIX в. может считаться П. А. Словцов, который приписывал начало христианизации сибирских аборигенов заслугам Петра I, в том числе его религиозному рвению. По словам историка, царь, «полный теплой веры во Христа Бога, как и любви к отечеству изрек апостольскую мысль о распространении христианского закона не только около Тобольска, но и далее...» [25, с. 283]. Высоко оценивая заслуги митрополита Филофея и результаты его миссионерской деятельности, П. А. Словцов в то же время подчеркивал, что тот действовал «во исполнение воли Петровой» [25, с. 358].

В то же время Н. А. Абрамов в своей брошюре, целиком посвященной истории распространения христианства в Сибири, никак не затрагивал вопрос о побудительных мотивах активизации миссионерской деятельности

в начале XVIII в. Он лишь констатировал тот факт, что с 1712 г. «митрополит схимонах Федор [Филофей]... начал спасительное дело проповеди» [1, с. 26–27], и в дальнейшем, когда он вторично занял Тобольскую кафедру*, его «главным занятием... было продолжение проповеди Христианской веры идолопоклонникам» [1, с. 27–28]. Краткой констатацией ограничился И. В. Щеглов, отметивший, что Филофею «по преимуществу принадлежит имя просветителя Сибири» [32, с. 149]. Специалист по церковной истории П. В. Знаменский также утверждал, что «распространение христианства в Сибири в XVIII в. продолжалось по-прежнему трудами отдельных личностей. Из сибирских архиереев миссионерскими подвигами особенно прославился тобольский митр[ополит] *Филофей Лещинский*» [15].

Несколько более комплексно рассматривал ситуацию в конце XIX в. Т. А. Догуревич. Он подчеркивал, что «ввести христианство, как единственное условие для обновления религиозно-нравственной жизни язычника и как необходимую основу всякой цивилизации и гражданственности, среди покоренных инородцев Сибири составляло... одну из важнейших задач государства и церкви». Т. А. Догуревич признавал, что «...в XVII ст. миссионерское дело не было и не могло быть поставлено на твердую почву. Архипастыри сибирские должны были заботиться не столько о дальнейшем распространении христианства, сколько о приведении христианских начал в жизнь русского населения». Начало же XVIII в. он называет «блестящим» и связывает это с личностью Филофея и его активностью: «...явился на Тобольской кафедре архипастырь, который весьма широко поставил дело миссионерства». О побудительных мотивах деятельности Филофея Т. А. Догуревич умалчивает [14, с. 69].

Любопытно, что схожей позиции придерживался лидер областников Н. М. Ядринцев. В двух его работах повторялась одна и та же фраза: «Первое время русские были заняты завоеваниями и приобретениями, тогда было не до проповеди. <...> Только в XVIII веке выступают заботы об обращении инородцев в христианство, но проповедь распространяется только на северных инородцев, причем выдается энергия обращения остяков и вогулов Филофеем Лещинским...» [33, с. 220].

В фундаментальной работе В. К. Андриевича говорилось, что Филофей «по справедливости может считаться просветителем Сибири» [8, с. 336]. При этом, по словам историка, «основанием к его рвению в просвещении остяков послужила грамота царя на его имя» [8, с. 350]. Таким образом, хотя и не прямо, а косвенно, указывалось на то, что импульс миссионерской деятельности исходил от Петра I.

Более подробно остановились на интересующем нас вопросе П. Н. Буцинский и И. М. Покровский. Первый прямо указывал на то, что инициатива христианизации коренного населения Сибири принадлежала Петру, поскольку церковь ранее не уделяла этому должного внимания:

Там не было только проповедников христианской религии; только представители русской православной церкви — патриархи — относились к делу

* Филофей (Федор) занимал Тобольскую кафедру дважды: в 1702–1711 и 1715–1721 гг. В 1711–1715 гг. Сибирским и Тобольским митрополитом был Иоанн (Максимович).

христианской миссии в Сибири с непонятным и непростительным безучастием! Таким бездействием высшая русская духовная власть, как бы сама передавала свое право на заботы о церкви и о христианской миссии между иноверными подданными московского государства в руки власти светской. Подобным положением дела естественно должен был воспользоваться деятельный и энергичный московский царь. Петр I-й только что возвратился из заграничного путешествия и несмотря на то, что его голова была занята серьезнейшими и разнообразными государственными делами внутренней и внешней политики, он в то же время думал и о делах религиозных, о проповеди христианского евангелия своим иноверным подданным [11, с. 43].

В свою очередь, И. М. Покровский считал, что «христианская миссия среди инородцев с конца XVII в. сделалась предметом общей заботы церковной и государственной власти». Говоря о событиях первой четверти XVIII в. он отмечал:

То было время, когда русское правительство, в лице Петра I, обратило серьезное внимание на укрепление русской власти в Азиатской России. Петр понял, что одним из самых действительных средств в этом поношении служила христианская миссия. <...> Все пошло сразу — и литые пушки, и горнопромышленность, и торговля, и миссия... При разных средствах у русских была одна цель — укрепиться в Сибири и быть там полными хозяевами» [24].

Как видим, здесь прямо указывалось на то, что в деле христианизации язычников царь руководствовался в значительной степени прагматическими соображениями.

Оценивая подходы дореволюционной историографии, С. В. Бахрушин делал следующий вывод:

Много места удалялось в литературе этой эпохи вопросу о благотворном якобы влиянии на «дикарей» буржуазной культуры, наиболее яркое проявление которой видели в христианизации народов Севера и в распространении среди них церковного образования. Буржуазные идеологи миссионерства ... отказывались от принудительных приемов христианизации, господствовавших в предшествующую эпоху, но зато придавали исключительное значение христианскому просвещению, как средству более глубокого укрепления зависимости «инородцев» от русского помещика и русского капиталиста [10, с. 228].

В советское время историки продолжали периодически обращаться к теме христианизации коренного населения Сибири при Петре I, оценивая ее в соответствии с установками и подходами, доминировавшими в исторической науке в тот или иной период.

Так, в первые послереволюционные десятилетия, когда «колониальная политика царизма», осуществлявшего «военно-феодальный грабеж сибирских колоний», подвергалась жесткой критике, обращение аборигенов в православие также рассматривалось в сугубо негативном ключе. Например, В. П. Карцов утверждал, что крещение было центральным элементом политики русификации «завоеванных земель и народов», которая, в свою очередь, была необходима для перехода «от прямого грабежа к методам систематической эксплуатации туземцев» [18, с. 68]. В целом аналогичной позиции

придерживался А. Н. Базанов, посвятивший специальную работу истории миссионерских школ на Тобольском севере. По его словам, «чтобы упрочить процесс колонизации и укрепить свое господство, царское правительство в начале XVIII века отказалось от недавних ограничительных мероприятий ... и поручило православной церкви, не останавливаясь даже перед актами грубого насилия, развернуть миссионерскую деятельность по приобщению туземцев к христианской вере» [9, с. 16].

В предвоенные годы оценки начинают смягчаться в соответствии с официальной формулой «наименьшего зла», которая стала применяться при описании вхождения тех или иных территорий в состав России. В известной работе И. И. Огрызко отмечалось, что обращение коренных жителей Сибири в православие являлось органической частью «всей внутренней политики Петра I и, в частности, его церковной политики». По его словам, «Петр I совершенно откровенно ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти. В этом плане нужно рассматривать и мероприятия Петра в направлении христианизации так называемых «иноверцев», населявших Россию» [21, с. 27].

И. И. Огрызко подчеркивал, что «стремление идеологическими средствами закрепить то, что было завоевано силой оружия, является, таким образом, основной причиной того поворота, который произошел в политике русского самодержавия в начале XVIII в. в отношении христианизации народов Сибири». В то же время он признавал, что здесь также имела место «борьба против наиболее грубых и примитивных форм религии» (то есть язычества и шаманизма), и в целом христианство «по замыслу Петра и его единомышленников, должно было явиться не только средством политического господства в руках самодержавия, но также и формой приобщения народов Сибири к более высокой русской культуре» [21, с. 28–29].

С начала 1950-х гг. и вплоть до распада СССР в советской историографии безраздельно господствовала концепция «преимущественно мирного и добровольного присоединения» нерусских народов к Российскому государству. В то же время присутствовала тенденция к приуменьшению либо замалчиванию роли Церкви в русской истории; также сохранялся определенный антирелигиозный посыл.

Так, в «Очерках истории СССР» «массовое крещение манси и хантов», а также других народов Сибири увязывалось с тем, что «правительство настойчиво проводило русификацию восточных окраин страны, стремясь крепче связать их с системой абсолютистского государства. В этой русификации важная роль отводилась православной церкви, превращенной при Петре I в послушное орудие императорской власти» [22, с. 599]. Далее подчеркивалось, что массовое крещение было начато «по царскому указу» [22, с. 601]. В то же время в разделе, посвященном Якутии признавалось, что «при всех отрицательных сторонах деятельности миссионеров христианизация якутов имела для них положительное историческое значение» [22, с. 610]

Однако во втором томе капитальной академической «Истории Сибири» лишь вскользь упоминалось о том, что «в XVIII в. начинается массовое креще-

ние хантов и манси. Политику активной христианизации проводил тобольский митрополит Филофей Лещинский» [17, с. 96]. Чем было продиктовано это начинание, в работе умалчивается.

Более подробно история распространения православия среди коренных народов Сибири рассматривалась в монографии М. М. Федорова. Говоря о побудительных мотивах этого процесса, он отмечал, что «необходимость укрепления абсолютной монархии требовала дополнения политического и экономического закабаления трудящихся закабалением духовным», а сама «христианизация сибирских аборигенов юридически уже рассматривается [властями] как орудие государственной политики» [30, с. 85].

Неожиданную точку зрения на интересующий нас вопрос высказала в своей работе Н. А. Миненко. По ее мнению, «к XVIII в. позиции России в Северном Приобье достаточно упрочились. Власти сочли возможным приступить к идейному закреплению политических успехов по присоединению Сибири, пойти навстречу желанию церковников распространить свою власть на зауральские народы» [19, с. 246]. Это, пожалуй, единственный (по крайней мере, в советской историографии) пример того, когда начало христианизации объясняется церковными, а не государственными интересами. В то же время какого-либо подтверждения своего тезиса Н. А. Миненко не привела.

О «живучести» установок советской историографии свидетельствует тот факт, что в монографии Е. С. Шишигина, выпущенной в 1991 г., повторялся тезис о том, что «политика насаждения православия среди аборигенного населения определялась сугубо классовыми интересами царского правительства» [31, с. 2] и что «христианизация нерусских народностей Сибири была направлена на сохранение самодержавно-крепостнических порядков, на усиление эксплуатации народных масс» [31, с. 3].

В российской исторической науке последних трех десятилетий наметился явный всплеск интереса к различным аспектам истории Русской православной церкви, и в частности к ее миссионерской деятельности среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока (см., напр.: [7; 26]). Однако вопрос о побудительных мотивах ее всплеска в петровское время по-прежнему редко попадает в поле зрения ученых*.

Единственной специальной работой, посвященной выяснению причин перехода к массовой христианизации коренных народов Западной Сибири в первые десятилетия XVIII в., является статья В. Ю. Софронова — специалиста по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви за Уралом. В ней подчеркивается, что «массовая христианизация

* Показательна в этом плане недавно выпущенная коллективная монография по истории Тобольской епархии. Ее авторы справедливо отмечают, что «истории распространения православия в среде автохтонного населения Западной Сибири посвящены многочисленные исследования», что «особый интерес историков вызывает эпоха так называемой массовой христианизации нерусских народов региона, которая соотносится с нач. 2-го десятилетия — сер. XVIII в.» и что «в фокусе изучения находились методы миссионерской деятельности и ее ближайшие результаты, изменения в религиозном сознании и соответствующих практиках новообращенных» [23, с. 33]. При этом вопрос о причинах и побудительных мотивах всего вышеперечисленного обходится стороной.

туземцев Северного Приобья» началась «по инициативе Петра I», а в целом в данном случае российские власти действовали сразу по трем направлениям: «противоязыческому», «противомусульманскому» и «противораскольническому» [27].

В сходном ключе рассуждает Е. М. Главацкая, которая увязывает «вопрос о целенаправленном крещении народов Сибири» и «геополитические интересы России в Сибири, поскольку на духовное влияние среди сибирских народов претендовали буддисты Китая и мусульмане Османской империи» [13, с. 151] (см. также [12]).

Ю. Г. Акимов рассмотрел «внешние факторы», которые могли способствовать принятию Петром I решения о крещении сибирских иноземцев. Среди них опыт миссионерской деятельности римско-католической церкви, идеи развития человечества как «взросления» (и «восхождения» от «дикости» к «варварству», от «варварства» к «цивилизации»), европоцентристские взгляды на отношения «ядра» и «периферии», отношение к религии как к «инструменту» воспитания хороших подданных и т. п. (см.: [4; 6]). Он также предположил, что решение о переходе к насильственному крещению аборигенов в районе Тобольска в первой половине 1710-х гг. могло быть вызвано угрозой (скорее всего, гипотетической) воздействия на них протестантских проповедников из числа пленных шведской армии (см.: [5]).

* * *

С точки зрения интересующего нас вопроса о причинах перехода к массовому крещению коренного населения Сибири при Петре I, рассмотренные нами работы можно разделить на две большие группы: к первой относятся те, в которых признается, что инициатива христианизации исходила от царя-реформатора, ко второй — те, авторы которых предпочли умолчать об этом. В последнем случае это могло быть связано с общей оценкой деятельности Петра I. Историками постсоветского периода отмечены факторы, повлиявшие на решение монарха форсировать обращение сибирских аборигенов в Православие: угроза распространения среди них других религий и/или ересей, геополитические соображения, стремление следовать западноевропейским образцам. В то же время представляется, что данная тема еще нуждается в углубленном изучении, результаты которого могут способствовать лучшему пониманию бурной эпохи петровских преобразований, истории Русской Православной Церкви и истории коренных народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. А. Материалы для истории Христианского просвещения в Сибири, со времени покорения ее в 1581 году до начала XIX столетия. — СПб., 1854. — 41 с.
2. Абрамов Н. А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал министерства народного просвещения. — 1851. — Ч. LXXII. Отд. V. — С. 1–22.
3. Абрамов Н. А. Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский // Журнал министерства народного просвещения. — 1846. Ч. LII. Отд. V. — С. 79–96.

4. Акимов Ю. Г. Европейские источники трансформации отношения русских к христианизации аборигенов Сибири в Петровскую эпоху // Вестник РХГА. — 2020. — Т. 21. — № 4–1. — С. 219–231.

5. Акимов Ю. Г. Объект любопытства, изучения, просвещения и эксплуатации: сибирские аборигены в политике Петра I // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса, 1–2 июня 2018 года. — СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2019. — С. 261–271.

6. Акимов Ю. Г. От объяснения инородцев к «просвещению дикарей»: европейское знание и отношение русских к аборигенам Сибири в первые десятилетия XVIII в. // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727): колл. монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г. / под ред. Д. Ю. Гузевича, И. Д. Гузевич. Париж — СПб.: Европейский дом, 2020. — С. 488–500.

7. Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири // Меншиковские чтения: научный альманах / гл. науч. ред. П. А. Кротов. — СПб.: XVIII век, 2015. — Вып. 6 (15). — С. 10–31.

8. Андриевич В. К. История Сибири: в 2-х ч. — СПб.: Типография В. В. Комарова, 1889. — Часть II. Период с 1660 года до воцарения Императрицы Елизаветы Петровны.

9. Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). — Л.: Издание Института народов Севера, 1936.

10. Бахрушин С. В. Историческое изучение народов Севера // Бахрушин С. В. Научные труды: в 5-ти т. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Том. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть вторая. История народов Сибири в XVI–XVII вв.

11. Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. — Харьков: Типография губернского правления, 1893. — 93 с.

12. Главацкая Е. М. «...И Сибирскому государству какого повреждения не учинить...» (власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета. — Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2004. — № 31. — С. 75–83.

13. Главацкая Е. М. Христианское освоение Обдорского края // Русское освоение Ямала (документы и исследования). — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. — С. 150–186.

14. Догуревич Т. А. Свет Азии. Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края: На основании миссионерских отчетов, записок путешественников и лучших исследований по данному вопросу. — СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1897. — 167 с.

15. Знаменский П. В. История русской церкви. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. — 474 с.

16. Иванов В. Ф. Записки русских чиновников и купцов конца XVIII в. // Вопросы историографии и источниковедения Якутии. — Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. — С. 100–105.

17. История Сибири: в 5-ти т. / гл. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков. — Л.: «Наука», 1968. — Том второй. Сибирь в составе феодальной России. — 538 с.

18. Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-западной Сибири. — М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. — 130 с.

19. Миненко Н. А. Северо-западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв.: историко-этнографический очерк. — Новосибирск: Наука, 1975. — 308 с.

20. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1884. — 120 с.

21. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII веке. — Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1941. — 143 с.
22. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 866 с.
23. Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2020. — 248 с.
24. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования: в 2-х т. — Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1897. — Т. II (XVIII в.).
25. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: в 2-х кн. — М.: В типографии А. Семена, 1838. — Книга первая: с 1585 до 1742 года. — xxxii, 589 с.
26. Софронов В. Ю. Светочи Земли Сибирской: Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.). — Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. — 263 с.
27. Софронов В. Ю. Причины начала христианизации населения Западной Сибири в начале XVIII века // Сибирская заимка. 2012. — URL: <https://zaimka.ru/sofronov-missionary-activities/> (дата обращения: 15.12.2021).
28. Сулоцкий А. И. Святитель Филофей — митрополит Сибирский и Тобольский, просветитель сибирских инородцев. 2-е изд. — Омск, 1882. — 46 с.
29. Тихон, епископ Ишимский и Аромашевский (Бобов В. Д.). Митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский и его связь с Тюменским Свято-Троицким монастырем 1621–2003 гг. — Тюмень, 2006. — 472 с.
30. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири: XVII — начало XIX века. — Якутск: Кн. изд-во, 1978. — 287 с.
31. Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. — Якутск, 1991. — 116 с.
32. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. — Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. — 779 с.
33. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы их быт и современное положение // Ядринцев Н. М. Сочинения. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — Т. 2. — 336 с.